

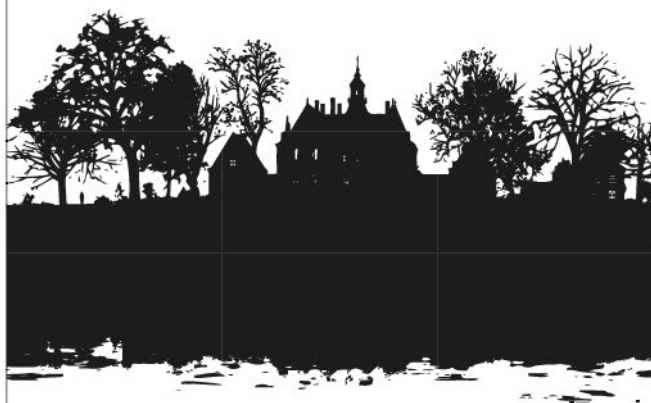
Романы
Этель Лилиан Войнич,
вошедшие в цикл «Овод»:

Овод
Прерванная дружба
Сними обувь твою



ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

СНИМИ ОБУВЬ ТВОЮ



Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
В 65

Ethel Lilian Voynich
PUT OFF THY SHOES

Перевод с английского
Ирины Гуровой, Раисы Облонской

Серийное оформление и оформление обложки
Владимира Гусакова

Войнич Э. Л.

В 65 Сними обувь твою : роман / Этель Лилиан Войнич ; пер. с англ. И. Гуровой, Р. Облонской. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 608 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-30760-5

Английская писательница Этель Лилиан Войнич обрела всемирную известность после публикации романа «Овод». К судьбе своего героя Войнич возвращается через тринадцать лет в романе «Прерванная дружба». А спустя несколько десятилетий выходит последний роман из прославленного цикла об Оводе — «Сними обувь твою» (1945). В центре этого произведения — Беатриса Телфорд, прабабка легендарного героя, сильная, умная, смелая женщина, прошедшая через множество испытаний, готовая противостоять всему миру и отдать жизнь во имя любви и своих убеждений.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2025
© Р. Е. Облонская (наследники), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30760-5

*...Итуриэль своим копьем
Легко коснулся, ибо никакая ложь
Не сохранит свой облик перед ним,
Но против воли станет правдой вновь¹.*

¹ Из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай».

Предисловие

Хотя «Сними обувь твою» и представляет собой вполне законченный роман, на самом деле он должен был бы открывать семейную хронику, охватывающую историю четырех поколений. Но серия этих романов — спутник всей моей жизни — рождалась не в хронологическом порядке.

«Овод», действие которого происходит в Италии во время политических и идеологических конфликтов, приведших к революции 1848 года, был написан в 1897 году, когда я еще почти ничего не знала о предках его главного героя, наполовину итальянца. «Прерванная дружба» (1910 год) рассказывает об одном эпизоде из жизни того же героя. В 1911 году я оставила литературу и стала писать музыку. И два промежуточных романа — о юноше и девушке, детство и отрочество которых описаны в этой книге, и о их дочери, которая уехала в Италию и стала матерью Овода, — так никогда и не появились. О судьбе этих людей говорится в послесловии к роману «Сними обувь твою».

И вот после двух попыток показать духовную и эмоциональную жизнь вымышленного человека, после двадцати лет, отданных музыке, я в конце концов снова взялась за перо, чтобы проследить неко-

торые черты этого никогда не существовавшего характера в его предках. Этот обратный ход мысли удивляет меня больше, чем кого-либо. Если бы меня спросили, почему я решила на склоне лет заняться давно умершими английскими предками итальянского бунтаря, которые были для него в лучшем случае лишь ничего не значащими именами, моим единственным ответом было бы, что я не могла иначе и знаю об этом не больше, чем о других сторонах процесса появления на свет детей человеческого воображения. Я знаю только, что на протяжении всей моей долгой жизни эти и другие бесплотные создания моего духа, некоторые в человеческом образе, другие в форме музыкальных звуков, приходили и уходили, не спрашивая моего разрешения, и мне оставалось лишь одно — по мере своих сил поспевать за ними.

Многие читатели во многих странах интересовались, почему Овод при тех или иных обстоятельствах думал, чувствовал и поступал именно так, а не иначе. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что некоторые противоречия, которые удивляли или — совершенно справедливо — раздражали их, были просто моими ошибками — промахами и неточностями незрелого мышления, ошибочного видения или недостаточного умения молодого автора, едва справлявшегося со слишком трудной первой книгой. Однако многие из них и сейчас кажутся мне неотъемлемыми от всего духовного склада этого человека — такого, каким он мне представлялся. Частичное объяснение этих противоречий, которое можно найти в позднем и далеко не полном описании его наследственности с материнской стороны, откладывалось

так долго, что большинство из тех, для кого оно предназначалось, либо умерли, либо давно забыли о своих недоумениях. Тем, кто еще жив и еще не утратил интереса к этому, я хотела бы сказать, что в настоящей книге я постаралась — хотя и с большим опозданием — ответить на некоторые из их вопросов.

Я должна просить читателя извинить мою заведомо несовершенную попытку передать исчезающий диалект Корнуолла. Воспоминания далеких дней моей юности, воспоминания о путешествиях пешком по дикому побережью Корнуолла, о разговорах — в кухнях с земляными полами или среди плетенок для ловли раков — с бедняками, которые были стары, когда я была молода, слишком туманны, чтобы на них можно было положиться. Много лет спустя я провела три зимы в Сент-Айвс, но к этому времени старинный диалект помнили только старики на уединенных фермах среди вересковых равнин. Филологи, к трудам которых я обращалась, не всегда придерживались единого мнения о том, как лучше передать мягкие, певучие, редуцированные гласные корнуэльского наречия, или в том, насколько далеко распространились по каменным грядкам некоторые девонские речевые формы. Весьма возможно, что кое в чем я ошиблась, но избежать этого риска было нельзя. Без их характерной речи мои рыбаки не принадлежали бы Корнуоллу, который я любила.

Э. Л. В.

Нью-Йорк, ноябрь 1944 г.

Часть первая

ГЛАВА I

В начале лета 1763 года Генри Телфорд, молодой сквайр Бартона в Уорикшире, стоял вечером в своей лондонской квартире перед зеркалом, поправляя жабо своей лучшей рубашки. Он совершал туалет очень тщательно, но без всякой охоты.

На этот раз он предпочел бы остаться дома и лечь спать пораньше, так как светские разговоры уже успели ему надоесть, а кроме того, он не привык засиживаться далеко за полночь, но старая леди Мерием упомянула в своем письме, что среди ее приглашенных будет некая благородная девица, с которой она очень хотела бы его познакомить. Он понимал, что ему следует поехать на этот бал хотя бы в знак благодарности за ее хлопоты, несмотря на то что он был убежден в их бесполезности.

Если она и не сумела подыскать ему жену, то уж никак не по своей вине. Столько же по доброте душевной и из любви ко всяческому сватовству, сколько из-за просьбы сестры — она приложила много стараний, чтобы помочь ему; но до сих пор ни одна из юных леди, с которыми она его знакомила, не показалась ему подходящей для роли хозяйки Бартона. У большинства из них манеры были так же прелестны, как и платья, а некоторые были прелестны

и сами. Красивые женщины нравились ему не меньше, чем всякому другому, — так же, как ему нравились вьющиеся розы на стенах Бартона; однако выбор матери для его сыновей — вопрос серьезный, даже более серьезный, чем выбор быка для его коров, и этот вопрос нельзя решать легкомысленно, основываясь только на том, что ему понравилось хорошенькое личико. Избалованные лондонские барышни слишком изнежены, чтобы рожать и вскармливать здоровых детей, и слишком пусты, чтобы разумно воспитывать их в страхе Божьем.

Сам он, даже не говоря о Бартоне, мог предложить многое. В зеркале отражался очень представительный молодой человек, правда чуть-чуть провинциальный и полнокровный, но зато великолепно сложенный, здоровый и телом и духом, широкоплечий, крепкий и достаточно высокий, для того чтобы выглядеть внушительно верхом на лошади. Его волосы, золотисто-рыжие, цвета спелой пшеницы, круто вились над лбом, как у античного борца; широко расставленные простодушные серые глаза позволяли забыть о тяжелой нижней челюсти. К шестидесяти годам ему, вероятно, предстояло приобрести благодаря неумеренности и старому портвейну апоплексическую внешность и бешеный нрав, столь обычные среди богатых сквайров Центральной Англии. Можно было ожидать, что уже в сорок лет он начнет полнеть, если не будет следить за собой. Но до этого было еще далеко, ему было двадцать шесть, и его здоровая англосаксонская красота была в самом расцвете.

Хотя ему не удалось достигнуть той цели, ради которой он, собственно, и приехал в Лондон, он все-

таки не жалел о том, что доставил себе это удовольствие. Несомненно, оно стоило ему дорого — так дорого, что второй подобной поездки он не сможет себе позволить, ибо Бартон, конечно, превосходное поместье, но все же не золотое дно. Однако, если даже ему придется уехать домой ни с чем и за неимением лучшего жениться на дочери приходского священника, он будет знать, что хоть раз повеселился, как следует мужчине, прежде чем остепениться и возложить на себя высокие обязанности отца семейства. Никогда больше он не будет красивым молодым холостяком со свободными деньгами в кармане.

Он положенное время, искренне горя, носил траур по любимому отцу, составил завещание и убедился в том, что все справедливые претензии удовлетворены и что поместье в полном порядке. Затем он воспользовался случаем и в течение девяти недель приобщался к веселой жизни столицы. Будучи благовоспитанным юношей, он приобщался к ней большей частью в домах и под покровительством почтенных великосветских дам, но дважды — нет, трижды, — не забывая, однако, о своем здоровье и репутации, знакомился с ней и в других местах. Теперь развлечения уже начали ему приедаться, и он затосковал по Бартону и коровам.

А все-таки жаль... Он хорошо знал, какая жена ему нужна, и знал также, что ему вряд ли удастся ее когда-нибудь найти, если его поездка в Лондон окажется бесплодной. В Уорикшире, даже если он и встретит такую девушку, он все равно не сможет добиться ее руки.

Рекомендательными письмами в Лондон местная знать снабдила его с большой охотой. Лично против

него никто ничего не имел, и его вельможные соседи были очень любезны с нравственным и состоятельным юношей, который щедро жертвовал в предвыборные фонды и на достойные благотворительные учреждения, хорошо ездил верхом и стрелял и когда-то учился вместе с их сыновьями, — но не настолько любезны, чтобы отдать за него одну из своих дочерей. Ему тактично намекнули, что в Лондоне, где никто не помнит его отца, он скорее успеет в своем намерении.

В глубине души его давно уже злила доброжелательная снисходительность местных лордов и сквайров. С тех пор как он начал думать об этом, он всегда чувствовал, что он, сын *parvenu*¹, имеет больше права на землю, теснее связан с ней, чем любой Мерием или Монкton. Правда, его отец принадлежал к «вульгарным нуворишам», к наглым чужакам, присутствие которых в графстве терпели только по необходимости. Но правда и то, что как человек — да и как хозяин — он был лучше любого из этих надменных сквайров, которые презрительно его сторонились. Разумеется, он скверно ездил верхом, боялся собственного ружья и был легкой мишенью для насмешек. Но тем не менее у всех его арендаторов было вдоволь чистой питьевой воды, и крыши у них не текли, чего нельзя было сказать о многих других поместьях. И кроме того, он любил в Бартоне каждый прутик, каждый камешек.

Однако у человека, кроме отца, есть еще и мать; а мать Генри носила фамилию Бартон. Впрочем, и с этой стороны его кровь не была голубой — пред-

¹ Выскочка (*фр.*).

ки его матери снимали шляпу перед герцогом. Но они владели своей землей гораздо дольше, чем герцогская семья своей; они так долго работали, жили и умирали на этой земле, что в конце концов она завладела ими.

Она завладела и Генри. Этого нельзя объяснить, это можно либо понять, либо не понять. Жизнь фермы, ее звуки, ее запахи — сваленного в кучу навоза и скошенного сена, лошадиного пота, вспаханной земли и пенящегося в ведрах парного молока — стали частью Генри, вошли в его плоть и кровь. Бартон был смыслом и — чего он не знал — причиной его существования.

Богатство Телфордов было нажито торговлей, и далеко не всегда почтенной. Даже отец Генри в молодости был ливерпульским работником, хотя и не по своей воле. Его семья издавна занималась торговлей с Вест-Индией, и другого ремесла он не знал. Когда он был еще подростком, отец, зверскими побоями и грубыми насмешками давно уже сломивший его волю, сделал его своим агентом в деле. Когда он был юношей, они от торговли товарами постепенно перешли к торговле людьми, и он — сам безвольный раб — покорно выполнял свои обязанности. Освобожденный наконец неоплаканной смертью старого тирана от ненавистной работы, которой он с отвращением занимался в течение двадцати лет, робкий пожилой холостяк навсегда оставил Ливерпуль и все, что было с ним связано. Потом он отправился покупать за свои деньги право на вход в волшебный мир, о котором грезил все тяжкие и постыдные годы своей растоптанной юности. В этом мире субботнего

покоя, резвящихся ягнят и выращивания роз изысканность должна была идти рука об руку с добротой, светскость с великодушием.

Одно за другим ему предлагали «подходящие имения», от которых он печально отказывался. Наконец, проезжая через глухой уголок Западного Уорикшира, он увидел воплощение своей мечты: старинный дом из красного кирпича — длинный и низкий, фруктовый сад, рощицу с фиалками и амбар времен первых Стюартов. Квадратная серая колокольня нормандской деревенской церкви виднелась сквозь зелень сада; перед усадьбой сочные луга спускались к извилистой речке. Едва увидев ферму Бартонов, он уже не мог думать ни о чем другом. Он робко навел справки.

Нет, усадьба пока еще не продается, но, как ни печально, всем известно, что этого не избежать. Семья Бартонов всегда пользовалась большим уважением в здешних местах, хотя род их и не был, что называется, благородным. Ну, пошли всякие несчастья... А теперь все они поумирали, кроме одной барышни, которая и думать не хочет о том, чтобы расстаться с фермой, хотя и не может справиться с хозяйством. Бедняжка морит себя голодом, но все-таки у нее не хватает денег, чтобы выплачивать проценты по закладным. Уж лучше бы она согласилась продать усадьбу, пока есть возможность, все равно кредиторы скоро продадут ее за долги. Они сделают это хоть сейчас, если предложить им подходящую цену. Очень неплохое местечко для джентльмена, у которого найдутся деньжонки, чтобы нанять лесничего для охраны своих фазанов.

Намек не пропал даром. Но когда он увидел нежное лицо мисс Бартон, услышал ее тихий голос, почувствовал исходивший от нее запах лаванды, — щепетильная совесть бывшего работоторговца восстала против того, чтобы лишить ее последнего достоинства. Ей было лет тридцать, в ней уже проглядывала увядающая старая дева, но тем не менее, несмотря на раннюю седину на висках, она была трогательно привлекательна. Он не мог выгнать бедняжку из дома, где она родилась, где умерли все ее близкие. Дело кончилось тем, что он женился на ней. А она — она согласилась бы выйти замуж за самого Князя тьмы, лишь бы не расставаться с Бартоном.

Оба вступили в брак скорее со старой усадьбой, чем друг с другом, и все-таки этот брак был достаточно счастливым. После семи лет мира и спокойствия миссис Телфорд умерла, оставив мужа неутешным вдовцом.

Милый добряк-отец так старался быть настоящим джентльменом! Ради Генри, а не ради себя. Более нежного отца нельзя было и желать, и теперь, когда все кончилось, когда он уже не мог вызвать краску смущения на лице сына, не умевшего скрывать свои чувства, легко было вспоминать о нем с глубокой благодарностью и любовью. Собственно говоря, поставить ему в вину можно было только отдельные вульгарные выражения, промахи на званых обедах, бесконечные смешные неудачи на охоте и судорожную, словно извиняющуюся, манеру держаться, как будто он всегда немного стыдился себя.

В детстве все эти мелочи очень раздражали Генри, и теперь он жалел, что не всегда умел скрыть

свою досаду. Рожденный наследником такого превосходного поместья, каким стал Бартон после того, как закладные были выкуплены и в хорошо охраняемых рощах снова в изобилии появилась дичь, выросший среди любимых собак и лошадей, он не должен был отвыкать от ланкаширского акцента или бороться с мучительными воспоминаниями. Ни разу в жизни он не видел ни Ливерпуля, ни невольничьего корабля и не вкладывал денег в работоторговлю. Даже его двоюродные братья давно переехали в Лондон и теперь торговали только сахаром. Ужасный дед, который заложил основу семейного богатства, скончался много лет назад, и о нем начали благополучно забывать. Нужно было еще только одно поколение. Если найти для них соответствующую мать и отдать их в соответствующую школу, сыновья Генри смогут быть на равной ноге с кем угодно. Но им нужна соответствующая мать: аристократизм Телфордов был еще слишком непрочным, чтобы можно было позволить себе спуститься хотя бы ступенью ниже. Им нужна мать, которая займет подобающее ей место в обществе Уорикшира, которую жены его бывших школьных товарищей не смогут ни опекать, ни игнорировать. А где он ее найдет?

Как он объяснил симпатизировавшей ему вдовствующей графине, в отношении приданого он всегда пойдет на уступки. Даже красота будущей невесты — хотя приятная внешность была бы очень желательна — не составляет обязательного условия. Попросту говоря, единственно, что ему требуется, — это хорошая (как в буквальном, так и в переносном смысле) кровь, хорошая нравственность и хороший характер; при наличии этих качеств ему подойдет

любая девушка — разумеется, не запятнанная папизмом, сектантством или каким-нибудь скандалом, — у которой хватит благоразумия полюбить деревенскую жизнь и оценить доброго мужа и превосходное положение в обществе. Ведь быть хозяйкой Бартона...

Дойдя до этого, он порозовел и смутился. Ему было очень трудно говорить о Бартоне; его поместье не блистало показной роскошью, но оно было таким прелестным, неиспорченным, истинно английским: огромные вязы, грачи, вьющиеся над старинными коричневыми крышами, богатая, плодородная почва, усыпанные цветами луга, сады, шпалеры фруктовых деревьев и великолепный красный бык, родоначальник замечательной породы молочного скота, лучшей в Уорикшире.

Неудача следовала за неудачей, а лондонский сезон уже подходил к концу. Бродя по пышным комнатам леди Мерием и подхватывая обрывки сведений о присутствующих на балу молодых гостях, Генри гадал, о какой из них шла речь в ее письме. Среди приглашенных, разумеется, было довольно много девиц на выданье. Некоторые, как он уже выяснил, ему не подходили, другим не подходил он — простому джентльмену из провинции нечего мечтать о дочерях герцогов и министров. Оставались только замужние женщины, старые девы, вдова набоба, сверкающая изумрудами, ее сухопарые болезненные дочери...

Когда наконец занятая хозяйка улучила для него минуту, она представила его очень живой миниатюрной даме со звонким голоском и лихорадочно

блестевшими глазами, которая поспешила сообщить ему, что с ней «только что начавшая выезжать» дочь.

На мгновение нижняя губа Генри упрямо выпятилась, и его лицо стало некрасивым. Неужели он ждал девять недель только для того, чтобы ему предложили дочь этой накрашенной Иезавели?¹ Девчонку, наверное, с начала сезона безрезультатно таскала по всем балам — иначе откуда такая назойливость? А теперь ее собираются навязать ему!

Какова бы ни была дочь, мать представляла собой поучительное зрелище. Когда он только начинал ходить, она, вероятно, была хорошенькой, как котенок, но кокетливые ужимки и детское сюсюканье теряют прелесть, когда женщина стареет. И так одеваться в ее возрасте!

Неприятнее всего его поразила фамилия — Карстейрс. Полчаса назад у ломберного стола он был вынужден резко оборвать какого-то мистера Карстейрса, который без стеснения пытался навязать ему сомнительное пари. Разумеется, ее родственник — хотя слишком молод, чтобы быть ее мужем, а для сына слишком стар. Гнусного вида субъект. Несмотря на уродливый шрам, пересекающий веко, — красив, но какой-то неприятной красотой. Леди Мери-ем может считать его неотесанным провинциалом, но должна же она понимать, что у него хватит здравого смысла держаться подальше от подобной компании. В Уорикшире этой парочке нелегко было бы

¹ По библейским преданиям, жена израильского царя Ахава, Иезавель, была распутна и нечестива; ее выбросили из окна, и она погибла, растерзанная собаками. Имя ее стало синонимом всяческой скверны.

проникнуть в дом ее сестры. Лондонское общество, кажется, не слишком разборчиво.

Он вежливо прекратил излишние словоохотливой дамы, сославшись на тут же изобретенное обещание посетить еще один дом, и оглянулся, ища хозяйку, чтобы попрощаться с ней. В пустом углу одиноко сидела девушка — так же, как час тому назад. Он уже не раз с мимолетным сочувствием поглядывал на нее. Не то чтобы его могло заинтересовать такое хрупкое, безжизненное, бесцветное создание, но ему показалось странным, что с ней никто не танцует. Бедняжке, очевидно, суждено просидеть так весь бал.

Но теперь, взглянув на нее, он почувствовал изумление. Однако не красота привлекла его внимание. Девушка была недурна собой — стройная, тонкая, с правильными чертами лица и изящно очерченными бровями. Присмотревшись, можно было заметить в ней своеобразную неяркую прелесть. По контрасту с бесконечными пышными локонами ему понравились эти мягкие, пепельные волосы, которые были только чуть темнее ее лица и обрамляли его, словно тень. Но молодой девушке не идут худоба и темные круги под глазами.

Трудно было найти что-нибудь менее похожее на веселую, розовощекую племенную кобылу, за которой он приехал в Лондон. Собственно говоря, его заинтересовала лишь ее полная неподвижность. Он никогда не видел, чтобы человек сидел так неподвижно. «Словно кошка у мышиной норки», — сказал он себе и посмотрел на нее взглядом опытного охотника, стараясь понять, каким образом ей удалось стать почти невидимой. Он поглядел еще раз.

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ
СНИМИ ОБУВЬ ТВОЮ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Золотова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.11.2025.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 26,79. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru



A-NAM-39954-01-R